

О положении языка в условиях анархистского общества

07.01.23.

Акратическое общество — это общество, где достигнут идеал анархии. Идеал анархии — это то, к чему стремятся анархисты. Но что такое «анархия»? Анархия — это общество, в котором преодолено любое господство человека над человеком, всякая эксплуатация человека человеком — где воплощено и перманентно воплощается через духовно-социальный праксис «безвластие» или «акратия». Как писал Эрих Мюзам: *«Анархия означает безвластие. Анархия — это свобода от принуждения, насилия, рабства, закона, централизации, государства. Анархичное общество ставит на их места: добровольность, понимание, договор, соглашение, союз, народ»* [1]. Следовательно, анархия — это общество, в котором нет социальных, экономических и культурных иерархий. Вместо этого общество организует свою жизнь самостоятельно на основе антииерархических принципов прямой демократии, автономии личности, добровольности, федерализма, гуманизма и повсеместного самоуправления, где равные социальные возможности поз-

О положении языка в условиях анархистского общества
07.01.23.

<https://syg.ma/@dienis-khromyi/o-polozhienii-iazyka-v-anarkhistskom-obshchestve>

[ru.anarchistlibraries.net](https://anarchistlibraries.net)

воляют каждому человеку развиваться как творческой личности.

Исходя из этого базового понимания акратического общества, вытекает следующее. Мы, как анархисты, являемся индивидуалистами. Будучи индивидуалистами, мы стремимся создать равные социальные условия для развития индивидуальности и уникальности каждого человека. Стремление же к развитию индивидуальности и отличности каждой личности (вне зависимости от нации, пола, гендера, расы, этноса и т.д.) через созидание надлежащих условий делает нас неизбежно сторонниками принципов эгалитаризма и плюрализма. Как сторонники эгалитаризма (отсутствия экономических и социокультурных иерархий) и плюрализма (поощрения разнообразия личностей, а следовательно, и культур, поскольку именно личность есть начальный и конечный источник процветания всякой культуры), мы стремимся применить эти благородные принципы ко всем аспектам общественной жизни. Одним из важных аспектов этой жизни является культура. Оставляя позади рассмотрение того, каково должно быть воплощение принципов плюрализма и эгалитаризма в сфере кино, театров, живописи, художественной литературы или музыки, мы бы хотели остановиться на такой теме, как язык. К сожалению, рассмотрение языкового вопроса с анархистской точки зрения — далеко не частое явление среди теоретических работ анархистов. Именно поэтому данный очерк, ставящий себе целью изложить лишь базовое понимание этого вопроса с акратической перспективы, является важным дополнением к общей анархистской теории.

По нашему скромному мнению, последовательное следование принципам плюрализма (как культурного разнообразия) и эгалитаризма (как отсутствия социокультурных иерархий) ведёт нас к следующему взгляду на положе-

ние языка в акратическом обществе: каждая народность внутри себя (между своими представителями) говорит на своём уникальном языке. Уникальный язык одной народности используется для внутринародной коммуникации. Для коммуникации же с другими народностями один народ использует «интернациональный» язык. Интернациональный язык как язык международной коммуникации совершенно необязательно всеобщий, как можно предположить, но обязательно нейтральный (нейтральность языка достигается его апостериорностью). Было бы весьма последовательно объявить, что международным языком коммуникации должен служить эсперанто как искусственный язык, специально предусмотренный для этих целей. Однако подобная реализация была бы несколько сумбурной и не отвечала бы на вопрос, где пролегает граница между двумя сторонами анархической жизни — между регионализмом и стремлением сохранить самобытность культур и между взаимодействием, глобализмом, то есть стремлением к открытой интеракции.

Эту демаркацию нам и надлежит прояснить. Следуя принципу федерализма, мы не можем, разумеется, объявить какой-то язык обязательным для изучения всеми анархистами, особенно если мы учитываем региональную специфику. В частности, было бы неправильно объявить язык эсперанто универсальным для жителей, проживающих в Восточной Европе или в азиатских странах. Для жителей Восточной Европы, в частности для жителей Чехии, Польши, Словакии, Болгарии, Украины и т.д., наиболее последовательной формой «интернационального» языка служит межславянский, который грамматически наиболее близок к региональным особенностям (в качестве аналога можно использовать более самостоятельный язык — слово). Такие языки мы в дальнейшем называем межрегиональными.

Например, если у нас есть федерация анархистских коммун на территории современной Украины, то члены этой коммуны общаются между собой на украинском. Но если какой-то украинской коммуне нужно пообщаться с польской коммуной, то они общаются на нейтральном «интернациональном» языке. Почему «интернациональный язык» отыгрывает ключевую роль в воплощении анархических идеалов в языковом вопросе? Потому что именно использование нейтрального языка ведёт к тому, что ни один язык какой-либо народности не господствует над другим языком иной народности. Так, при международной коммуникации между украинской и польской коммуной выбранный в данной местности межрегиональный язык ликвидирует культурную иерархию между языками, поскольку ни украинцы не подстраиваются под поляков, переходя на их язык, ни поляки не подстраиваются под украинцев, переходя на украинский — *никто ни под кого не подстраивается — никто ни над кем не господствует*. Сегодня мы наблюдаем гегемонию английского языка, где одни народности вынуждены подстраиваться и учить английский, в то время как англоговорящие люди не учат в массе своей язык той народности, которая подстраивается под них. Получается тогда ситуация дисбаланса — культурная иерархия: неанглоговорящие вынуждены учить язык, чтобы общаться с англоговорящими, а англоговорящие продолжают говорить на своём языке, не изучая языки тех народностей, с которыми они общаются. Таким образом, здесь очевидное языковое неравенство, где одни подстраиваются под других, а значит их языки не уравниваются между собой, поскольку одни говорят лишь на своём, а другие подстраиваются под них, чтобы осуществить коммуникацию с первыми. Но, если украинцы и поляки между собой общаются на межславянском, то что делать, если украинцы хотят обратиться к итальянской коммуне, которая исполь-

4. Пётр Кропоткин. Сборник «Современная наука и анархия». Сочинение «Коммунизм и анархия». Глава 4-я «Ведет ли коммунизм к умалению личности?». URL: <https://web.archive.org/web/20220427232018/https://aitrus.info/node/202>

Разрешение этого вопроса обещает быть интересным. Как мы отмечали ранее, анархисты следуют принципу федерализма при решении социальных задач любой сложности. Стало быть, мы не противники «универсального языка», который был бы одинаково удобен для всех жителей Земли: подобный «единый язык» сослужил бы нам огромную службу. Однако мы не можем сейчас привести в пример какой бы то ни было язык и назвать его «универсальным», как это делали анархисты-эсперантисты в отношении эсперанто, не понимая, насколько это европоцентрично. Просто потому, что это равносильно поставить перед собой невыполнимую задачу. Задача сегодняшних лингвистов — это скооперироваться и создать совокупность межрегиональных языков, которые стали бы удобны для жителей тех или иных географических областей. Когда эта задача будет решена, мы сможем сконцентрировать свои силы на том, чтобы «укрупнить» наши наработки и сделать более широко применимыми — до тех пор, пока мы не разработаем такой язык, который станет универсально простым для каждого живущего на Земле. Это, разумеется, работа не одного поколения. Поэтому в наших интересах не заглядывать на столь далёкую перспективу и дать ответ не на вопрос, каким будет универсальный язык, а как нам приблизиться к нему.

Таковы наши общие суждения о положении языка в акратическом обществе.

Ссылки:

1. Эрих Мюзам. «Анархия». URL: <https://www.aitrus.info/node/1018>

2. Лев Толстой. Письмо об языке эсперанто. URL: <http://esperanto-plus.ru/histori/tolstoj-esperanto.htm>

3. Карл Маркс. «Немецкая идеология». Из «К дихотомии «общество-личность»». URL: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/marks_engels_nemec_idea.html

зует эсперанто и не знает украинского или межславянского? Это решается тем, что в каждой коммуне должны быть делегаты на все случаи коммуникации: один делегат, говорящий на межславянском и один, говорящий на эсперанто. При каждой уникальной ситуации тот или иной делегат посылается, когда нужно общаться на том или ином языке. Или если коммуна очень бедная, используется язык с наиболее простой для освоения грамматикой.

Мы, как сторонники эгалитаризма, не приемлем такую культурную иерархию в языковом плане. Один язык не должен стоять выше над другим. Мы признаём лишь два варианта: никто ни под кого не подстраивается и обе народности говорят на общем и не принадлежащем ни одной нации нейтральном международном или межрегиональном языке, либо обе народности учат языки друг друга, чтобы общаться между собой, и тогда уже договариваются в каком порядке они будут эти языки использовать в общении (например, возможен вариант, что если украинская коммуна обращается за помощью к польской, то она это делает на польском, а если польская коммуна уже обращается к украинской — то на украинском). Однако легче принять один международный язык для всех коммун в данном регионе, чем тратить для одной коммуны время на изучение уникальных языков десятка разных коммун. Отчасти именно эта позиция легла в основу философии анархистов-эсперантистов, однако нам следует развивать их мысль и останавливаться не на одном лишь эсперанто, который кажется универсальным, но на совокупности множества «нейтральных» языков, являющимися общими для ряда языковых групп. Именно поэтому мы, последователи анархо-эсперантистов, видим в таких межрегиональных языках воплощение нашего идеала равенства. Кроме того, именно благодаря им и возможен плюрализм: разнообразные национальные языки продолжают своё развитие,

ведь ни один национальный язык не будет угнетён какой-то существующей языковой иерархией. Ни одна коммуна не навязывает другой коммуне свой язык, поскольку все общаются с другими народностями на международном языке, а среди представителей своей народности — на своём национальном языке. Именно поэтому изучение таких межрегиональных языков является ключевым аспектом преодоления культурной иерархии между национальными языками и сохранением их независимости. Внедрение международных языков не означает отмену всяких национальных языков, как думают некоторые люди. Это лишь способ упразднить культурную иерархию между языками отдельных народностей, позволив каждому из них развиваться в естественной среде своих носителей, где ни один из этих языков народностей не претендует устроить экспансию через присвоение себе роли единственного международного языка, тем самым получая больше влияния, чем любой другой национальный язык. Все языки должны быть уравнены в своих правах и своём влиянии на арене международной коммуникации. Именно поэтому мы согласны со словами Льва Толстого, который высказывался о языке эсперанто следующим образом: *«Лёгкость его обучения такова, что, получив шесть лет тому назад эсперантскую грамматику, словарь и статьи на этом языке, я после не более 2-х часов занятий был в состоянии если не писать, то свободно читать на этом языке Во всяком случае, жертвы, которые принесет каждый человек нашего европейского мира, посвятив несколько времени на изучение этого языка, так незначительны, а последствия, которые могут произойти от усвоения всеми, — хотя бы европейцами и американцами — всеми христианами, — этого языка, так огромны, что нельзя не сделать этой попытки»* [2]. Слова Толстого применимы и к другим подобным языкам: изучение межрегиональных языков не должно быть сложным, а

опять-таки представляет расширение свободы личности. Если мы так организуем общество, что каждый его член будет совершенно свободен и сможет отдаваться в часы досуга всему, чему ему вздумается в области науки, искусства, творчества, общественной деятельности и изобретения; и если в самые часы работы будет возможно работать в разнообразных отраслях производства, воспитание будет введено сообразно этой цели — в коммунистическом же обществе это вполне возможно, — то этим достигнется еще большее увеличение свободы, так как перед каждым из нас широко раскроется возможность расширить свои личные способности во всех направлениях. Области, прежде недоступные, как наука, художество, творчество, изобретения и так далее, откроются для каждого» [4].

Расширив досуг человека при коммунизме, любители своего национального языка получают возможность заниматься развитием своей культуры, и, следовательно, сохранением актуальности их национального языка как носителя этой культуры, тем самым выравнивая потенциально культурное влияние разных языков. Кроме этого, в целях гармонии и равенства, люди, чья культура очень популярна, могут сами заниматься переводами своей культуры на язык культуры менее «популярной» народности, занимаясь также и распространением этой менее «популярной» культуры в среде своей народности.

И раз уж мы обсудили, в чём преимущества названного подхода и обозначили пути разрешения возможных противоречий, которые могут возникнуть, вполне закономерно может последовать вопрос: а будет ли в анархическом обществе такой язык, который в будущем полностью заменит все межрегиональные и все национальные языки, или же такой, на котором все представители всех народов могут спокойно общаться, то есть «космополитический» язык, «единый» язык?

— не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком. Это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии» [3], так и Пётр Кропоткин: «Что коммунизм лучше всякой другой формы общежития может обеспечить экономическую свободу — ясно из того, что он лучше, чем всякая другая форма производства, может обеспечить каждому члену общества благосостояние и даже удовлетворение потребностей роскоши, требуя взамен не более четырех или пяти часов работы в день, вместо того чтобы требовать от него десять или девять или хотя бы даже восемь часов в день. Дать каждому досуг в течение десяти или одиннадцати часов из тех шестнадцати часов в сутки, которые представляют нишу сознательную жизнь (около восьми часов надо положить на сон), — уже значит расширить свободу личности настолько, что такого расширения человечество добивается как идеала, вот уже сколько тысяч лет. Раньше это было невозможно, так что всякое стремление к комфорту, богатству и прогрессу должно было быть исключено из коммунистического общества. Но в настоящее время, при наших могучих способах машинного производства, это вполне возможно. В коммунистическом обществе человек легко сможет иметь каждый день полных десять часов досуга и вместе с тем пользоваться благосостоянием. А такой досуг уже представляет освобождение от одной из самых тяжелых форм рабства, существующих теперь в буржуазном строе. Досуг сам по себе составляет громадное расширение личной свободы... Наконец, признать, как это делают коммунисты, что первое основание всякого дальнейшего развития и прогресса общества есть разнообразие занятий,

польза от них определённо имеется. Если ни один язык не господствует над другими, тогда другие языки получают шанс на большее развитие и независимость. Выбор международного языка может быть широким и определяться по культурной специфике коммун той или иной части света. Тот же эсперанто как язык международного общения хорошо подойдёт жителям центральноевропейского региона и регионам, национальные языки которых входят в романскую группу языков.

Если какая-то коммуна откажется от того, чтобы общаться с другими коммунами на международном языке и всячески будет стремиться навязать господство своего национального языка другим коммунам, то мы будем рассматривать это как нарушение принципов эгалитаризма, плюрализма и интернационализма — как отход от фундаментальных принципов анархизма. Методы воздействия на эту коммуноу, проявляющую дискриминацию по отношению к другому языку, будут решаться уже членами самой дискриминируемой коммуны.

Безусловно, кто-то отметит, что выше рассмотренный аспект касается лишь международной формальной коммуникации между членами или делегатами от коммун. Безусловно, это так. Что же тогда делать с «неформальным» влиянием? Через музыку, кино, литературу и т.д.? Ведь действительно существует вероятность, что искусство или наука на одном языке будет популярнее, чем искусство или наука на другом в силу того, что на языке какой-то народности творит больше людей искусства и учёных. Во-первых, и это несомненно, каждый член коммуны, если пожелает, может выучить какой-то язык, чтобы слушать какую-то музыку или читать какую-то книгу в оригинале. Во-вторых, популярность какой-то культуры, а следовательно, и языка, на котором эта культура транслируется, может быть связана с тем, что население какой-то комму-

ны банально больше, а потому там и больше культурного наследия. Следовательно, здесь мы имеем дело не с искусственной культурной иерархией, а количеством населения. Если и признать это «иерархией», то разве что естественной. Но анархизм борется лишь против неестественных иерархий. Борьба же со существенной разницей в населении может привести к принудительной наталистской политике, обязывающей людей рожать больше, чтобы выровнять количество населения ради «спасения культуры и языка». Это, естественно, противоречит свободе личности и её праву выбора рожать или нет, что тем самым нарушает принцип автономии личности — тоже фундаментальный принцип анархизма.

Как тогда быть? Если язык какой-то культуры популярен, и особо «патриотичные» жители коммуны опасаются, что этот язык затмит своей популярностью их язык, то, во-первых, им не нужно этого опасаться, поскольку люди имеют право поменять свой язык и перейти на абсолютно другой, если им этот язык больше нравится (если это меньшинство, то они могут уехать просто в другую коммуну, где на этом языке говорят все, а если большинство, тогда коммуне придётся поделиться таким образом, что меньшинство, сохранившее верность своему языку, будет уже внутри самой коммуны общаться на интернациональном языке с большинством, принявшим новый язык, на который меньшинство отказалось переходить), а, во-вторых, если они желают сохранить условную культурную гегемонию своего национального языка в своей коммуне, то они должны: а) выпускать специалистов-переводчиков, формирующих масштабные ассоциации переводчиков (АП), которые будут заниматься интенсивно переводами условно «зарубежной» культуры на язык своей народности; б) поощрять развитие всех аспектов культуры на своём национальном языке.

Если мы берём за пример анархо-коммунистическое общество, то предпосылки для выполнения требований «а» и «б» будут в наличии, поскольку именно при коммунизме, где не будет бредовых работ, воплотится автоматизация производства и не будет гонения за сверхприбылью, досуг людей сможет настолько расшириться, что они смогут заниматься переводами и творчеством по своей личной инициативе и энтузиазму. Например, поработав 3-4 или 5-6 часов, трудящийся на заводе может вечерами писать стихи, романы или заниматься исследованиями, создавая культуру на языке своей народности и тем самым подпитывая её жизненность. О такой возможности и разнообразии деятельности при коммунизме писал как Карл Маркс: *«И наконец, разделение труда дает нам также и первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, — собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, — тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно,*